* * *

День-деньской суета и забота
о насущном — по силам пока,
но порой мимолетное что-то
окоем затуманит слегка,
просквозит неожиданной болью,
прикоснется прохладой ко лбу.
Признавая всевышнюю волю,
принимаю земную судьбу.
Все ж, об этом уюте невечном —
островке на ветрах мировых,
в закутке потаенном сердечном,
береженом от взглядов чужих,
где и грусти, и радости вдоволь,
где на золото осень щедра,
где бессонницей мается тополь
в глубине городского двора,
где когда-то девчушка смешная
голоском, как веселым звонком,
заливалась от счастья, играя
в догонялки с соседским щенком, —
обо всем, что случилось в придачу
к этой жизни, пускай не сейчас,
но однажды неволей заплачу,
покидая в назначенный час.

* * *

На мир в сердцевине лета —
изумрудье и бирюза —
любопытная девочка эта
широко раскрывала глаза.
Я помню, какие плыли
запахи от земли.
Негромко чихалось от пыли
цветочной, а где-то вдали
неистовое вызревало,
грозилось взорвать изнутри
трехмерность родного астрала.
Сияющие пузыри
веселого детского страха,
действительно, лопнули. Ой!
Боженька в небе заахал.
Крикнула мама: «Домой!»
Пока я игрушку искала,
потерянную вчера,
вспыхнуло, загромыхало,
хлынуло, как из ведра.
Сейчас до скрипа отмоет
все лето из края в край…
Счастье, оно такое —
мокрое, хоть выжимай.

ВЕЧЕРНЯЯ СКАЗКА

Накид. Лицевая. Накид.
Поехал он правой дорогой,
где конь его будет убит,
вдруг видит в избушке убогой
Яга Костяная Нога:
— От дела, царевич, лытаешь?
Опять разыгралась пурга…
Ну что же ты не засыпаешь?
Куда ж твой отец запропал?
Погода сегодня шальная.
И дальше Иван поскакал…
Изнаночная. Лицевая.

* * *

На хвосте сорока-белобока
из-за моря вести принесла.
Воротился б милый раньше срока:
— Открывай, хозяйка. Не ждала?

Разлетятся рукава льняные.
Прошумит тяжелый дождь волос.

— Ах, какие руки ледяные!
— Не брани — подарка не привез.

И щекой колючей ткнется жарко
в мокрое, незрячее лицо…
Никакого не хочу подарка.
Не скрипит высокое крыльцо.

Обманула глупая сорока.
У окна бессонного стою.
Где ж ты приклоняешь одиноко
голову повинную свою?

* * *

Лишь только несмело забрезжит, как,
где омуты неглубоки,
серебряным бреднем старик-рыбак
водит по дну реки.
Вдоль кромки плещет сырая тьма,
и на поверхность воды
стекает густой — молоком — туман
с его седой бороды.
Но утро уходит стайкой мальков
сквозь серебро прорех…
И все-то счастье, и весь улов —
лукавый русалочий смех!

* * *

Сыт-здоров, но извелся до смерти
на полатях в родимой избе.
Выйду в поле высвистывать ветер
и заделье искать по себе.

Мать встревожится: «Дитятко, что ты?!»
«Что ты, дурень?!» — нахмурится брат,
ненадолго от вечной работы
отнимая внимательный взгляд.

Растворятся ворота резные.
Канет небо в колодезный сруб.
Помолясь на просторы степные,
засвищу через выбитый зуб.

Отзовутся поля-окоемы.
Затрещат вековые дубы.
Разразятся вселенские громы
над коньком одинокой избы.

Перекрестится мать дорогая.
Злой зарницы блеснет острие.
И вздохнет брат, труды прерывая:
«Наш-то дурень опять за свое…»

* * *

Меч — из ножен. И платы другой
ты не посмел просить.
Нетерпеливо дрожит вороной —
чуткая волчья сыть.
Заголосили подруги навзрыд,
взглядов ослепла синь.
Два безрассудства и две орды
неутолимых гордынь,
правда на правду, на брата брат —
съехались богатыри.
По рукоять вонзенный булат
рану зари отворил.
Ярость проклятий немеющим ртом
выплеснул с кровью густой
и вековечным забылся сном
кровный обидчик твой.
Радуйся, что десница тверда.
Жив — и лишь этим прав.
Правь на рассвет и не жди суда
за богатырский нрав.
Сроков не торопи. И тебя,
в той ли, другой стороне,
неотвратимо настигнет судьба
на вороном коне.
Выронишь меч из правой руки.
Господи, в чем вина?
Кровь за кровь! Отдавать долги
каждому и сполна…

* * *

В доме брошенном нежить живет,
пыльным эхом клубится,
спать незваным гостям не дает
и впоследствии снится.
Распахнется испуганный взгляд.
Вздрогнет страх откровенный.
Осыпаясь, известкой шуршат
деревянные стены.

Дышит слухом в густеющий мрак
чуть живой христианин.
Сквозь разбитые окна сквозняк?
Или здешний хозяин

от простуды сухим шепотком
повествует невнятно
вспоминает устало о том,
что случилось когда-то?

Шапку в руки и — через порог!
Всхлипнет вслед половица.
Шепот, как осторожный зверек,
до поры затаится.
Лет, наверное, этак за сто
православных тревожит,
но понять не умеет никто
и утешить не может.

* * *

Катится времен коловорот,
и припоминаешь вечерами,
что идут уже который год
наши судьбы разными путями.
Жаль, живем на свете однова,
а не то бы снова нашептала
я тебе те — помнишь ли? — слова,
и на нас обрушатся сначала
наши приснопамятные дни,
напролет беспамятные ночи.
Как впервые, пристально взгляни —
отвести глаза не станет мочи.
Знаешь — угадаешь наперед.
Если взгляд в упор, характер пламень,
ненароком, а опять найдет
острая коса на твердый камень.
Скорая досада вскинет бровь.
Вспыльчивость в ответ всплеснет руками.
Дрогнет мир, и разразятся вновь
молнии и громы между нами.
Что ж никак покоя не найти?
И, в далеком далеке теряясь,
длятся параллельные пути,
вопреки всему пересекаясь.